

Братерский М.В.¹

Мир фрагментации на смену миру глобализации

***Аннотация.** В статье анализируются основные параметры формирующейся мировой системы и показывается, что эпоха американо-центричной глобализации сменяется эпохой все более фрагментированной системы, где разделительные линии проходят в политике, торговле, международных инвестициях, валютных зонах, технологических регионах. Возникающие центры (полюса) мировой политики играют все более заметную роль в международных отношениях и идеологических подходах.*

Наиболее заметным образом фрагментирование мирсистемы проявляется в экономической сфере. Это вызвано как усилением общей тенденции к экономической регионализации, так и ростом геополитических противоречий, следствием чего становятся все более многочисленные торговые ограничения, формирующие экономические зоны «для своих». Ключевые державы встают на путь создания экономических объединений, обеспечивающих экономическую самодостаточность в важнейших областях, тем самым утверждая свою политическую самостоятельность и суверенитет. Вновь набирают популярность идеи экономического национализма – в виде меркантилизма, постулирующего, что экономика неразрывно связана с политической мощью. Экономи-

¹ **Братерский Максим Владимирович** – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором, ИНИОН РАН; профессор, ведущий научный сотрудник, Факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ; mbratersky@hse.ru

ческую регионализацию подталкивают и нерешаемые на сегодняшний день торговые противоречия между группами стран, не позволяющие утвердить всеобщие многосторонние правила торговли и, по сути, заблокировавшие переговоры в рамках Всемирной торговой организации.

«Сейчас идут перемены, которых не было в течение ста лет. Когда мы вместе, то мы двигаем эти перемены», – сказал Си Цзиньпин Владимиру Путину после встречи в Москве в марте 2023 г. [Си Цзиньпин ..., 2023]. Каково содержание этих перемен и какую роль играют в происходящих процессах Россия и Китай, – одни из вопросов, которые обсуждаются в предлагаемой статье.

Ключевые слова: фрагментация, деглобализация, регионализация, мировой порядок, торговля.

Сегодня, когда мировая система самым серьезным образом трансформируется, дискуссии о том, какие политические и экономические процессы стоят за этими трансформациями и какие перспективы они обещают, достигли своего пика.

В процессе перемен, быстро меняющих контуры привычного мира, трудно дать точный и исчерпывающий анализ того, что происходит на наших глазах, и еще труднее предсказать результат этих изменений, увидеть структуру завтрашнего мира, только приобретающего сейчас свои очертания. Более того, на дискуссию сильно влияют реалистичные и фантазийные представления политиков, обычно не балующих аудиторию точными и выверенными прогнозами. Эксперты подходят к анализу ситуации с разных, часто противоположных позиций, и наблюдателю трудно привести разнообразные высказываемые точки зрения к общему знаменателю.

В частности, по-прежнему существует мнение, что мировая система не претерпевает никаких значимых изменений и все еще продолжает вращаться вокруг американского силового превосходства (военного, технологического, финансового, а также американской «мягкой» силы) и любые дискуссии о трансформации мировой системы являются беспочвенными [Brooks, Wohlforth, 2023]. В то же время аргументы, доказывающие, что в мировой системе происходят фундаментальные перемены, более многочисленны и доказательны. Ниже мы приведем некоторые из них, однако основным ограничением нашего анализа является главная неопределенность: какая именно система трансформируется, в каких

аспектах, что за единицы возникают в результате этой трансформации? Переходу от теории к анализу сопутствуют существенные трудности, и формулирование результатов анализа также является непростой задачей.

**Какая система трансформируется:
однополярная, биполярная или и та, и другая?**

Методологически перспективы развития мировой системы рассматриваются с двух точек зрения: с точки зрения теории полярности, которая в основном является реалистской и опирается на анализ распределения силы в мире, и с точки зрения теории гегемонии (индивидуальной или коллективной), представленной разными версиями теории гегемонической стабильности.

Среди экспертов существует определенный консенсус по поводу того, что «однополярный момент» в истории международных отношений закончился. В то же время продолжают споры о том, существовал ли этот «однополярный момент» вообще и стоит ли по-прежнему использовать различные концепции полярности (например, многополярности) для описания формирующегося мирового порядка.

Мнения экспертов представляют собой весьма пеструю картину [Did the unipolar ... , 2023]. С.Б. Моллер считает, что однополярность закончилась, что «сила не только материальна, но и дана в ощущениях. Другие державы пока еще не способны бросить вызов Соединенным Штатам или установить формальный баланс сил с Вашингтоном, но уже выдвигают альтернативное видение мирового порядка» [Ibid.]. Дж. Снайдер обращает внимание на то, что в мире усиливаются тенденции, уводящие мировую систему все дальше от однополярности [Ibid.]. Дж. Миршаймер указывает на отсутствие общего универсального определения великой державы, введение которого является обязательным при определении мирового порядка, и тем самым ставит под вопрос саму возможность дискуссии о полярности в мировом порядке. В то же время, по чисто практическим причинам, он предпочитает рассматривать мир как многополярный [Ibid.]. Д. Родрик, описывая существующее положение дел, добавляет в картину некоторую неопределенность («очевидно, мы живем в переходном мире» [Ibid.]). Дж. Най подчеркивает, что полярность проявляется в разных сферах

по-разному («ближе к однополярности в военной сфере, к многополярности в мировой экономике, к рассредоточенности во многих транснациональных вопросах» [Did the unipolar ... , 2023]). Б. Бузан предсказывает исчезновение полярности в международных отношениях: «Скоро в мировом порядке не будет сверхдержав, останутся несколько великих держав и множество региональных держав, и все это не будет похоже на традиционную многополярность» [Ibid.].

Одним из направлений дискуссии о содержании мирового политического процесса является характеристика той системы, от которой современный мир, видимо, все же уходит. Напомним, что до недавнего времени наиболее распространенным методом характеристики мировой системы была *концепция полярности*, основу которой составлял анализ мировых центров силы. Мировую систему, существовавшую между 1945 и 1990 гг. было удобно характеризовать как биполярную, обращая внимание лишь на два ее основных центра силы, а мировую систему, существовавшую с 1990 по начало 2000-х годов, в которой Соединенные Штаты играли центральную роль, – как однополярную [Krauthammer, 1990]. Однако приверженцы этой точки зрения обычно упускают из виду, что такая характеристика мировой системы является довольно грубым обобщением, она игнорирует массу важных деталей, среди которых – роль и место неприсоединившихся стран в биполярной системе, а также структурные и институциональные факторы, ограничивавшие возможности Соединенных Штатов в рамках однополярного мира.

Более того, можно смело говорить и о том, что «биполярной системы» в чистом виде никогда не существовало, и о том, что широкое определение «однополярного мирового порядка» 1990–2000-х годов как «ведомого Соединенными Штатами и Европой» [Ikenberry, 2011] игнорирует многие важнейшие детали. Стоит признать, что мировой порядок всегда имел смешанный характер, сочетал в себе элементы обеих систем. Можно легко выделить элементы биполярности в однополярном порядке и наоборот. ООН продолжала функционировать, хоть и не очень эффективно, в однополярном мире. Западный полюс не всегда и не по всем вопросам был достаточно консолидирован, в лагере западных стран имели место серьезные трения по различным поводам

(например, вторжение в Ирак), а пределы мощи западного блока были убедительно продемонстрированы в Афганистане.

Меняющийся мировой порядок и сегодня является смешанным, и останется таковым, он будет включать географические и функциональные зоны, в которых будут главенствовать Соединенные Штаты, и регионы и зоны, где могут доминировать другие игроки, действовать другие правила и использоваться иные практики. Конфликт вокруг Украины и растущая напряженность вокруг Тайваня заставляют задуматься о переоценке значимости военной мощи и ее необходимых качеств. Все больше регионов мира (например, Ближний Восток) переходят на региональный уровень управления взаимоотношениями местных игроков, уходя от использования внешних правил, институтов и центров силы. В новой экономической реальности все больше международных транзакций ведутся в альтернативных доллару США валютах (хотя американский доллар пока по-прежнему остается самой используемой мировой валютой).

«Коллективный» Запад, управлявший мировым порядком в «однополярную эпоху», также меняется и трансформируется: между европейскими государствами, а также между государствами европейского и неевропейского Запада, возникает новая конфигурация сил, дающая Соединенным Штатам (и неевропейскому Западу) новые рычаги влияния на политику их партнеров.

Другим инструментом, позволявшим в какой-то мере анализировать происходящие в мире перемены, была *концепция гегемонии*. Она пользовалась популярностью у институционалистов и, в определенной степени, у марксистов, и до сих пор широко используется для описания трансформации мировой системы. Этот подход имеет солидную теоретическую базу, он постоянно употребляется в СМИ, весьма распространен в общественном мнении и часто используется незападными политиками [Chinese President ... , 2021 ; Isachenkov, 2022].

Такой подход имеет некоторые нюансы по сравнению с моделью распределения силы. Он фокусируется на способности того или иного государства достигать своих целей, и его главный посыл состоит в определении страны или группы стран, которые устанавливают правила международного поведения и обеспечивают – если

потребуется, то и силовым образом, – исполнение этих правил (т.е. политически эта концепция близка к концепции однополярности).

Подходит ли к концу глобальная гегемония Запада? Во многих регионах мира – да. Глобальная военная сила уже не является прерогативой одной страны или альянса стран, и есть масса свидетельств тому, что Запад уже утратил историческую монополию на военную силу [Karaganov, 2018]. Генерал Марк Милли, председатель Объединенного комитета начальников штабов США в 2023 г., признавал, что в современном мире есть три военные сверхдержавы – Соединенные Штаты, Китай и Россия [US Chief ... , 2023].

В сфере экономики три незападные страны уже вошли в первую пятерку крупнейших экономик мира (по оценке в международных долларах) – Китай, Индия и Россия, – в то время как бывшие европейские экономические гиганты постепенно покидают список чемпионов [Economies ... , 2023].

В сфере идеологии либерализм и западное прочтение демократии, похоже, утрачивают свою привлекательность и начинают вызывать растущее отторжение у представителей незападных обществ и культур.

Вместе с гегемонией сдает позиции и так называемый «порядок, основанный на правилах»: в одних регионах мира – быстрее, в других – медленнее. Из-за того, что «правила» никогда не были публичными и постоянно менялись в интересах сторонников данного «порядка», сегодня мы наблюдаем своеобразную реинкарнацию старого лозунга «Нет налогам без представительства»: все больше стран отказываются следовать «правилам», которые кто-то для них придумал, и соблюдать «порядок», установленный без их согласия, и, преследуя собственные национальные интересы, стремятся к созданию неангажированных международных институтов и правил.

Связана ли начавшаяся фрагментация и деглобализация мира с окончанием однополярности? Означает ли окончание глобальной гегемонии Запада разрушение системы глобального управления, основанной на иерархии? Видимо, на оба эти вопроса следует ответить положительно. Пытаясь объяснить происходящее, некоторые эксперты сетуют на несовершенство мировой экономической системы, управление которой осуществляет Запад в своих интересах, другие указывают на излишнюю сложность

системы, которая поэтому не поддается управлению [Schwab, 2019]. Под вопрос ставятся и существование экономической системы, основанной на монетарном стимулировании спроса [Khazin, 2016], и агрессивное политическое использование доллара Соединенными Штатами против своих конкурентов [Sen, 2019].

Экономические, политические и идеологические трещины: глубже и шире, чем раньше

Перемены, охватившие мир, имеют политические, экономические и идеологические причины. В политике главным источником раздора становятся вопросы о том, кто устанавливает международные правила и кто выигрывает в результате доминирования этих правил. Страны, ранее бывшие в выигрыше от своего доминирования, пытаются сохранить лидерские позиции, а растущие «ревизионистские» державы настаивают на обустройстве негегемонистского (многополярного) мира, в котором ни одна страна или группа стран не будет обладать институализированным превосходством над другими [Valdai International ... , 2022]. Заявляемая цель – не заменить гегемонию Соединенных Штатов гегемонией какой-либо иной страны, а, напротив, построить действительно многостороннюю систему [Lee, 2021].

Следует признать, что множество вопросов о том, что именно «ревизионистские» державы понимают под многополярностью, насколько они привержены этой цели, действуют ли они совместно как единая команда и кто именно в эту команду входит, пока остаются открытыми. В то же время главным политическим конфликтом, т.е. основным источником начавшейся политической, экономической и идеологической фрагментации вчерашнего глобализованного мира, становится борьба между странами, которые желают оставить все как было на протяжении последних столетий, и странами, желающими построить более эгалитарную международную систему [Levitte, 2019 ; Lavrov, 2021].

Перемены – и даже надежды на перемены – были бы невозможны без определенной поддержки со стороны мира бизнеса. Здесь нужно отметить два важных момента. Во-первых, в настоящее время ускоряется переток богатства и производства с Запада на Восток и Юг; во-вторых, укрепляется самодостаточность незападных стран в основных областях экономического развития:

энергетике, добыче редкоземельных металлов, производстве удобрений, производстве продовольствия, дешевом производстве промышленной продукции, развитии технических знаний, подготовке молодых кадров, развитии военной сферы, освоении космоса, развитии киберсферы [Deshmukh, 2022]. Возможно, имеющийся потенциал для расширения экономической автономии остался бы нереализованным, но его укреплению способствуют необходимость увеличения политической автономии, а также снижающаяся эффективность нынешней мировой экономической системы вкупе с растущим неравенством. Основным драйвером усиливающейся фрагментации мировой системы является политически ощущаемая необходимость перестроить теряющую эффективность мировую экономическую систему. Сама экономическая система все чаще дает сбои, и реакцией на кризисные явления становится экономическая деглобализация – второй драйвер фрагментации, постепенно охватывающей современный мир.

Экономическая фрагментация

Ни один вопрос не привлекал столь пристального внимания в международной политической экономии и науке о международных отношениях с начала эпидемии COVID-19 и особенно – после начала российской СВО на Украине, как споры по поводу сущности, перспектив и будущей траектории начавшегося процесса экономической деглобализации и вероятности того, что она похоронит мировой либеральный экономический порядок.

Как отмечал Р. Ниблетт, бывший директор британского аналитического центра Чатем-Хаус, «пандемия коронавируса может быть той соломинкой, которая переломит спину экономической глобализации» [Niblett, 2021]. При этом не стоит забывать, что деглобализация началась не одномоментно и что экономическая глобализация еще до пандемии COVID-19 столкнулась с серьезными трудностями. Так, уже с 2007 г. наблюдалось снижение объема прямых иностранных инвестиций в глобальном масштабе, а начиная с 2008 г. специалисты стали отмечать стремительный рост торгового протекционизма [Kim, Li, Lee, 2020, p. 85].

Как и глобализация, деглобализация представляет собой противоречивый и многогранный процесс, охватывающий социальную, экономическую и политическую сферы. Глобализация не

ограничивалась интеграционными процессами в мировой экономике, но, если сузить рассмотрение глобализации до экономических процессов, то ее можно определить как «развитие взаимозависимости в торговле и интеграцию в сфере инвестиций» [Hirst, Thompson, 2019, p. 23], что проявлялось в сломе экономических барьеров и развитии международных институтов, регулирующих этот процесс [Stiglitz, 2002, p. 9]. С конца XX в. эти процессы были неразрывно связаны с доминированием международного американоцентричного порядка, возникшего после Второй мировой войны и основанного на «экономической открытости, многосторонних институтах, сотрудничестве в области безопасности и демократической солидарности» [Ikenberry, 2018, p. 7].

По контрасту с глобализацией, деглобализация может быть охарактеризована как процесс уменьшения взаимозависимости и интеграции между государствами и экономиками мира. В этом контексте можно утверждать, что деглобализация проявляется, помимо прочего, в усилении конфликтов и дисбалансов, связанных с торговлей, в уменьшении доли импорта в национальном валовом продукте и часто в росте безработицы в отдельных странах [Kim, Li, Lee, 2020, p. 83]. Кроме того, усиливаются перекосы в глобальном и национальном распределении богатства, уменьшается привлекательность демократических ценностей, уменьшается объем и качество прямых иностранных инвестиций [Kornprobst, Paul, 2021, p. 1311]. При этом нужно помнить, что деглобализация является неравномерным процессом, и если такого рода процессы хорошо видны в области международной торговли (санкции, торговые войны), то, например, в финансовой сфере процессы деглобализации менее очевидны [Gygli, Haelg, Potrafke, 2019], хотя внимательный наблюдатель сможет их отследить (расчеты в национальных валютах, заморозка чужих активов).

Как и глобализация, деглобализация не является единым непротиворечивым и однонаправленным процессом, но выступает как диалектическая противоположность и контрциклический процесс в отношении глобализации [Kim, Li, Lee, 2020]. В современном экономическом дискурсе многие аналитики связывают сегодняшний подъем популизма и протекционистских настроений с реакцией на глобализацию и ее отрицательные эффекты, которые, среди прочего, выразились в ухудшении условий для развития

бедных стран [Stiglitz, 2002] и снижении промышленной занятости в развитых экономиках [Rodrik, 2019].

Вместе с тем, поскольку политика, обеспечивающая глобализацию, была в существенной степени встроена в идеи либерального экономического порядка, усиление вызовов этому порядку со стороны нелиберальных демократий вроде Китая и России лишь «подливает масло в огонь» нынешних споров о деглобализации. Как отмечал Н. Рипсман, деглобализация не является основополагающей причиной нынешнего усиления соперничества между великими державами, в частности, между Китаем и Соединенными Штатами; усиление соперничества – в основном результат изменений в распределении силы в мировой системе, т.е. действия структурных факторов, а также результат перемен во внутренней ситуации – распространения популистских режимов и усиления протекционистских требований общества [Ripsman, 2021].

Регионализм как особая форма фрагментации

Вопросы, связанные с экономическим регионализмом, находились в центре дискуссий о глобализации, начиная с 1950-х годов [Viner, 1950 ; Meade, 1955 ; Bhagwati, 1992], но в последнее время отошли на второй план. В то время как экономическая регионализация обычно понимается как процесс концентрации экономической деятельности в определенном регионе [Fawcett, 2010, p. 25], экономический регионализм можно определить как «координацию внешнеэкономической политики между странами, находящимися в соседстве друг с другом» [Mansfield, Milner, 1999, p. 589]. Действия, предпринимаемые странами в рамках укрепления экономического регионализма, включают создание таможенных союзов и зон свободной торговли, повышение открытости внутреннего рынка для партнеров [Gilpin, 2001, p. 361].

Исторически первая волна экономического регионализма была связана с законодательным оформлением таможенных союзов и зон свободной торговли под эгидой Генерального соглашения по тарифам и торговле (*англ.* General Agreement on Tariffs and Trade, GATT; ГАТТ) [Bhagwati, 1995] и представляла собой мобилизацию усилий, направленных на снижение неравенства в мировой торговле [Söderbaum, Hettne, 2008, p. 113]. Вторая волна экономического регионализма стартовала в 1980–1990-х годах и сфокуси-

ровалась на экономической взаимозависимости и свободной торговле [Mansfield, Milner, 1999, p. 601], что было тесно связано с феноменом глобализации. Однако глобализация постепенно начала пробуксовывать и замедляться, что ясно видно на примере деятельности ВТО, в рамках которой усилия по расширению интеграции и преодолению торговых противоречий оказались неудачными [Confronting «deglobalization» ... , 2021, p. 4]. В этих условиях у регионалистских проектов был шанс обойти нерешаемые в ВТО проблемы и сбалансировать национальные и многосторонние интересы на региональном уровне [Enderwick, Buckley, 2020, p. 104].

Вообще говоря, в мире выборочной деглобализации экономический регионализм дает шанс сохранить и развивать экономическую интеграцию. Многие страны обратились к идее построения экономических соглашений на основе мегарегионов [Confronting «deglobalization» ... , 2021, p. 4–5]. Такие мегарегиональные торговые блоки включают в себя большое количество участников и нацелены на достижение высокого уровня экономической интеграции [Hirst, Thompson, 2019]. Следовательно, такие мегаблоки представляют собой новую форму экономической интеграции, выше традиционного регионального уровня, но ниже глобального, представленного ГАТТ и ВТО [Bobowski, 2017, p. 251]. Эксперты расходятся в оценках такого рода объединений, некоторые считают их «опасной угрозой правилам и механизмам глобальной торговли», хоть и имеющей региональный характер [Lissovolic, 2019, p. 8]. В любом случае, угроза усиления экономической фрагментации все чаще обсуждается на ведущих политических и экономических площадках [ЦБ описал ... , 2023], поскольку подобная перспектива выглядит вполне реальной.

Открытый регионализм: пример Всестороннего регионального экономического партнерства

Первые инициативы по запуску региональных соглашений о свободной торговле в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) относятся к началу 2000-х годов [Basu Das, 2014], но самым выдающимся проектом такого рода стало Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), запущенное на 7-м саммите АСЕАН в 2011 г. В переговорах о создании ВРЭП участвовали все десять стран АСЕАН плюс Китай, Япония, Южная Корея, Австралия,

Новая Зеландия, Индия (вышла из переговоров по ВРЭП в 2019 г.). В 2022 г. ВРЭП стало крупнейшей в мире зоной свободной торговли, объединившей страны, производящие почти треть мирового ВВП и представляющие 30% населения мира [Petri, Plummer, 2020]. На фоне общих деглобализационных процессов ВРЭП – хороший пример успешной региональной интеграции.

Главной причиной успеха данного проекта стала способность этого мегаблока успешно решить так называемые «проблемы миски спагетти» (несовместимости многочисленных торговых правил и режимов) [Bhagwati, 1995, p. 4], возникшие в Азиатско-Тихоокеанском регионе в результате создания множества двусторонних региональных торговых соглашений (что было реакцией на отсутствие успеха многосторонних торговых переговоров в рамках Дохийского раунда ВТО) [Gantz, 2016, p. 58]. Проект ВРЭП оказался удобным способом придать многосторонность агломерату пересекающихся и взаимоисключающих двусторонних договоренностей [Wilson, 2015, p. 349]; центральной платформой для интеграции и заключения договоренностей была выбрана АСЕАН. В данном случае экономический регионализм как форма экономической интеграции между государствами позволил снизить транзакционные издержки при переводе договоренностей с глобального на региональный уровень. В целом, похоже, что замедление экономической глобализации на мировом уровне создает новые стимулы для усиления региональных интеграционных процессов.

В то же время ВРЭП необходимо рассматривать в контексте его соперничества с другими региональными инициативами, – например с Транстихоокеанским партнерством (ТТП), преференциальным торговым соглашением между 12 странами Азиатско-Тихоокеанского региона, или с различными проектами развития торговых связей между Россией и Китаем.

ТТП – американский проект, который должен был экономически оформить заявленный администрацией Обамы «поворот к Азии» [Poletti, 2017, p. 52]. Поскольку Китай с самого начала был исключен из переговоров по ТТП, а сам проект требовал от стран-участниц высокой степени либерализации торговли, аналитики часто рассматривали ТТП как стратегию США по сдерживанию Китая путем перевода торговли в регионе исключительно на американские правила [Bhagwati, 2011]. Формирование ТТП оказыва-

ло определенное давление на страны АСЕАН, поскольку США предпочитали заключать двусторонние торговые соглашения в обход платформы АСЕАН [Basu Das, 2014, р. 43]; поэтому ВРЭП также можно рассматривать как успешную попытку сдерживать рост американского влияния в регионе при реализации ТТП [Wilson, 2015, р. 352]. Таким образом, в рамках поддержания регионального баланса сил ВРЭП является ответом на потенциальную угрозу введения односторонних протекционистских мер со стороны мирового гегемона. К тому же принятое в 2019 г. решение Индии выйти из процесса переговоров по ВРЭП вывело из числа стран-участниц мощную силу, которая могла бы тормозить региональный интеграционный процесс, поскольку Индия всегда с большой опаской относилась к идеям либерализации торговли [Wignaraja, 2019, р. 391–392]. Неслучайно Китай решил не упускать подходящий момент и уже в марте 2021 г. поспешил ратифицировать договоренности.

Таким образом, получается, что на фоне столкновения интересов уходящего гегемона и «ревизионистской» державы в рамках либерального экономического порядка, регионализм позволяет растущей державе применять против гегемона стратегию экономического балансирования на региональном уровне.

Следует также отметить, что большие экономики с высокими торговыми тарифами всегда выигрывают от торговых соглашений больше, чем малые страны, и последние в любом случае оказываются в невыгодном положении, независимо от того, вступают они в соглашения или нет. Однако малые страны могут выиграть, присоединившись к стратегическим инициативам больших стран в рамках торговых соглашений. В результате участие в региональных соглашениях становится притягательным для малых стран, в том числе и из-за страха проиграть, оказавшись вне соглашения («теория домино», подробнее см.: [Baldwin, 2011]). В итоге в условиях замедляющейся глобализации именно малые страны в большинстве случаев предпочитают не вести двусторонние переговоры со странами-гигантами, а присоединяться к региональным блокам, где площадка для работы уже подготовлена, а правила прописаны.

Все вышесказанное позволяет охарактеризовать ВРЭП как хороший пример открытого регионализма – не как меркантилистское объединение, а как образец созидательного регионализма

эпохи угасания глобализации, обострения соперничества великих держав и снижения функциональности мирового либерального экономического порядка.

Фрагментация на валютные зоны

Дискуссии о выпуске и циркуляции валюты, предназначенной для международной торговли и накопления резервов, идут уже давно. Существует огромное количество научных исследований, посвященных созданию и угасанию международных валютных режимов (см., напр.: [Eichengreen, 2011 ; Strange, 1971]), но в рамках данной статьи достаточно обозначить два базовых подхода к развитию и совершенствованию мировой валютной системы: технико-экономический и политико-экономический.

Технико-экономический подход ставит в центр дискуссии концепцию оптимальной валютной зоны: вопросы о том, каким должен быть минимальный размер валютной зоны (количество населения и его покупательная способность), какие другие критерии необходимо соблюсти, чтобы запустить новую региональную валюту (мобильность капитала и рабочей силы, гибкость ценообразования, распределение валютных рисков, гармонизация бизнес-циклов и проч.) [Mundell, 1961].

Однако сегодня представляется более содержательным политико-экономический подход: вопросы о том, какая страна или группа стран обладают достаточной политической и экономической мощностью, чтобы запустить валютную зону, и отвечает ли нынешняя глобальная валютная зона, основанная на долларе США, интересам всех стран-пользователей этой зоны.

Глобальная политическая экономия, которая, по-видимому, лучше других экономических наук приспособлена для решения подобных вопросов, концентрируется на экономических составляющих валютного регионализма, «закрывая глаза» на политические и идеологические факторы создания валютных зон, оставляя политикам (например, руководителям стран – участниц БРИКС) практическую инициативу по перестройке международной валютной системы.

Превращение доллара США и евро в политическое оружие (использующееся, например, против Ирана, России, Венесуэлы, Казахстана) подрывает репутацию нынешних основных мировых

валют как политически нейтральных. Огромная эмиссия и высокая глобальная инфляция заставляют задуматься об эффективности и качестве управления этими валютами со стороны стран-поставщиков.

В результате мы сегодня находимся в ситуации, когда 1) оказывается под вопросом эффективность глобальной валютной системы, основанной на американском долларе, и 2) несколько крупных держав, обладающих существенной военной мощью, ищут альтернативы существующей валютной системе с тем, чтобы новая система лучше отвечала их экономическим и политическим интересам. Появляются и концептуальные пояснения, описывающие перспективы создания новых валютных зон в результате новой региональной реиндустриализации (например, в рамках AUKUS) или в результате возможного коллапса глобальной долларовой системы, основанной на стимулировании спроса путем долларовой эмиссии [Хазин, Кобяков, 2022].

Переориентирование традиционных торговых маршрутов, начавшееся во время пандемии COVID-19 и интенсифицировавшееся из-за конфликта между «коллективным» Западом и Россией, с одной стороны, и Китаем – с другой, способствует фрагментации некогда глобальной валютной зоны на несколько политически ориентированных зон; валюты начинают делиться на «дружественные» и «недружественные», в результате чего выбор валют для торговых операций и использования в резервах осуществляется исходя не из экономических, а из политических соображений.

Политическая и идеологическая фрагментация

Силы, подталкивающие мир к фрагментации, существовали всегда, но в последние десятилетия они действовали в основном в рамках экономических процессов: государства и группы государств старались сконфигурировать формы своего участия в мировой экономике наиболее выгодным для себя образом. Более того, процессы экономической фрагментации во многом уравнивались процессами экономической глобализации, и силы, продвигающие политику экономического регионализма, не всегда можно было назвать исключительно антиглобалистскими [Bhagwati, 2008 ; Baldwin, 2014].

Сегодня тенденция к деглобализации набирает силу, ее укрепили пандемия COVID-19, а также многочисленные торговые

конфликты и санкции, подрывающие нормальный экономический обмен, ее активно поддерживают многочисленные политики, называющие своим приоритетом безопасность и геополитические выгоды. Так, многие европейские страны (прежде всего, страны ЕС и НАТО) отказываются от поставок энергии и дешевого сырья из России, разгоняя инфляцию в Европе и подрывая конкурентоспособность европейской экономики. Соединенные Штаты возводят все новые барьеры на пути американско-китайской торговли. Френдшоринг¹ становится все более распространенной политикой (подробнее см.: [Yellen, 2022]), инвестиции, торговля и обмен технологиями во все большей степени регулируются не экономической, а геополитической логикой. Такая политика полностью противоположна идеям экономической глобализации, специализации и международного разделения труда.

Идеологическое обоснование замены на европейских рынках российского газа американским в качестве «молекул свободы» [Ellsmoog, 2019] невозможно объяснить в рамках традиционной экономической и коммерческой логики, но вполне можно – в рамках логики политической. Ограничения на поставку американского компьютерного оборудования в Китай в итоге станут причиной повышения цен в США [Fitch, 2023], но, как предупреждал эксперт по Китаю М. Свейн, «сегодня почти в любой сфере взаимодействия позитивные и оптимистические силы и интересы... частенько уступают дорогу чрезмерному пессимизму, враждебности и ментальности игры с нулевой суммой» [Swaine, 2019]. В такой ситуации интересы американского бизнеса и экономики быстро становятся жертвами враждебной политической атмосферы. Целые сектора мировой торговли, которые еще недавно считались зонами свободной торговли, экономической рациональности и интеграции, сегодня политизированы и секьюритизированы: прежде всего международный транспорт и страхование, международные финансы, производство продовольствия и удобрений, а также высокие технологии, где особую роль играет искусственный интеллект.

Идеология как глобальная сила в течение нескольких десятилетий оставалась «на заднем плане» экспертных дискуссий, и

¹ *Англ.* friendshoring – размещение производств и заключение торговых сделок исключительно на территории своих геополитических союзников. (*Прим. ред.*)

лишь в начале 2020-х годов некоторые аналитики сумели отбросить искусственный образ мира как противопоставления демократии и автократии и обратилась к идеологии как активной силе, формирующей политику [The Telos Press ... , 2023].

Сегодня никакой анализ трансформации мировой системы не может считаться достаточно полным, если он не учитывает растущее напряжение между политикой строительства либерального универсалистского порядка и политикой стран-цивилизаций [Pan, 2023]. В новой недавно опубликованной российской концепции внешней политики Россия именуется «государством-цивилизацией» и «евразийской и евро-тихоокеанской державой» [Концепция ... , 2023]. Точно так же «странами-цивилизациями» можно назвать Китай, Индию, многие государства Латинской Америки и Африки.

Подобная самоидентификация не является по сути антизападной, но в то же время предполагает существенную степень свободы от принципов уходящей системы («мир, основанный на правилах»), сформулированных ее основателями и хозяевами. В то время как в экономической сфере вполне возможны определенные компромиссы, в вопросах, представляющих собой, так сказать, «генетический код» цивилизаций, достичь компромисса невероятно трудно. Поэтому несовместимость постлиберальных ценностей современного Запада и традиционных ценностей многих стран-цивилизаций стала еще одной разделительной линией, которая, в свою очередь, способствует размежеванию и фрагментации в других областях.

Истоки идеологического размежевания кроются в том, что в последнее время западный либерализм претерпел глубинную трансформацию, превратившись в постлиберализм [Gray, 1996 ; Pabst, 2021], а постлиберализм оказался очень далек от того, что считается приемлемым, этичным и гуманным в незападных обществах. Много десятилетий назад Запад сделал идеологию частью своей экономической стратегии и политики безопасности, и до недавнего времени такая увязка считалась логичной, так как многие воспринимали доминирующую западную либеральную идеологию как прогрессивную. Сегодняшний постлиберализм более не воспринимается как прогрессивный, и проводимая Западом увязка постлиберальных ценностей с экономикой и внешней политикой становится препятствием для гармонизации мирового порядка.

В настоящее время в результате усиления экономической, политической и идеологической фрагментации формируется странный мир регионов, где политические, экономические, валютные и идеологические зоны (регионы) могут не совпадать друг с другом, где старые правила мирсистемы уже не работают, а новых правил пока нет, и где существенное количество стран оказывается в «свободном плавании», т.е. не принадлежит ни к какому региону или принадлежит к нескольким регионам одновременно. В сегодняшнем мире: 1) приоритет принадлежит геополитике, а не экономике; 2) происходит секьюритизация сфер взаимодействия, которые в прошлом считались коммерческими и аполитичными; 3) экономика используется как оружие в геополитической борьбе; 4) недостатки мирового экономического порядка объясняются через политику; 5) международные блоки формируются исходя из соображений политической близости, а не экономической взаимодополняемости; 6) идеологические конфликты усиливают экономические и политические противоречия.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Си Цзиньпин – Путину : сейчас идут перемены, которых не было 100 лет. (2023) // Российская газета. – Москва. – 21.03. – URL: <https://rg.ru/2023/03/21/si-czinpin-putinu-sejchas-idut-peremeny-kotoryh-ne-bylo-100-let.html> (дата обращения: 28.11.2023). [Xi Jinping to Putin : changes are now taking place that have not happened for 100 years [Si Czin'pin – Putinu : sejchas idut peremeny, kotoryh ne bylo 100 let]. (2023) // Rossijskaja gazeta. – Moscow. – 21.03. – URL: <https://rg.ru/2023/03/21/si-czinpin-putinu-sejchas-idut-peremeny-kotoryh-ne-bylo-100-let.html> (date of access: 28.11.2023)]. (In Russian).

Концепция внешней политики Российской Федерации. (2023) / МИД РФ. – Москва. – 31.03. – URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 28.11.2023) [The concept of the foreign policy of the Russian Federation [Konceptija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii]. (2023) / The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. – Moscow. – 31.03. – URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (date of access: 28.11.2023)]. (In Russian).

Хазин М.Л., Кобыakov А.Б. (2022). Закат империи доллара и конец Pax Americana. – Рипол-Классик. – 302 с. [Khazin M.L., Kobyakov A.B. (2022). The decline of the dollar empire and the end of Pax Americana [Zakat imperii dollara i konec Pax Americana]. – Ripol-Classic. – 302 p.]. (In Russian).

ЦБ описал сценарии деглобализации и эффекта домино для экономики России. (2023) // РБК. – Москва. – 11.08. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/>

11/08/2023/64d606849a7947f0bf99e316 (дата обращения: 28.11.2023) [The Central Bank described scenarios for deglobalization and the domino effect for the Russian economy [*CB opisal scenarii deglobalizacii i jeffekta domino dlja jekonomiki Rossii*]. (2023) // RBC. – Moscow. – 11.08. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/11/08/2023/64d606849a7947f0bf99e316> (date of access: 28.11.2023)]. (In Russian).

Baldwin R. (2011). 21st century regionalism and global trade governance / Center for economic and policy research (CEPR) // Vox. – Washington, D.C. – 23.05. – URL: <https://web.archive.org/web/20160614212355/http://voxeu.org/article/21st-century-regionalism-and-global-trade-governance> (date of access: 28.11.2023).

Baldwin R. (2014). Multilateralising 21st-century regionalism / Center for economic and policy research (CEPR) // Vox. – Washington, D.C. – 20.01. – URL: <https://web.archive.org/web/20220901062337/https://cepr.org/voxeu/columns/multilateralising-21st-century-regionalism> (date of access: 28.11.2023).

Basu Das S. (2014). The political economy of the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) and the Trans-Pacific Partnership (TPP) agreements : an ASEAN perspective / Institute of Southeast Asian Studies. – Singapore. – 58 p.

Bhagwati J. (1992). Regionalism versus multilateralism // World economy. – Hoboken, NJ : John Wiley & Sons. – Vol. 15. Issue 5. – P. 535–556.

Bhagwati J. (1995). US trade policy : the infatuation with FTAs. – Washington, D.C. – 23 p. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/161436448.pdf> (date of access: 28.11.2023).

Bhagwati J. (2008). Termites in the trading system : how preferential agreements undermine free trade. – Oxford : Oxford univ. press. – 160 p.

Bhagwati J. (2011). America's threat to trans-Pacific trade // Project Syndicate. – New York. – 30.12. – URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/america-s-threat-to-trans-pacific-trade> (date of access: 28.11.2023).

Bobowski S. (2017). Trade regionalism of tomorrow : entanglement of mega-regionals versus WTO // Eurasian economic perspectives : proceedings of the 20th Eurasia business and economics society conference. Vol. 2 / EBES. – Berlin : Springer. – P. 251–266.

Brooks S.G., Wohlforth W.C. (2023). The myth of multipolarity : American power's staying power // Foreign affairs / Council on foreign relations. – New York. – Vol. 102. Issue 3. – P. 76–91.

Chinese President Xi Jinping criticizes world «hegemony» in jab at US. (2021) // NBC News. – New York. – 20.04. – URL: <https://www.nbcnews.com/news/asia/chinese-president-xi-jinping-criticizes-world-hegemony-jab-u-s-n1264608> (date of access: 28.11.2023).

Confronting «deglobalization» in the multilateral trading system. (2021) / Akman M.S., Bozkurt A., Borlini L., Primo Braga C.A., Dadush U., de Mateo F., Jara A., Lippoldt D., Sacerdoti G. – Milan. – 21 p. – URL: https://www.t20italy.org/wp-content/uploads/2021/09/TF3_PB02_LM04.pdf (date of access: 28.11.2023).

Deshmukh S. (2022). BRIC block vs. the Western economies : a historic split // Kartavyasadhana. – New Delhi. – 07.03. – URL: <https://kartavyasadhana.in/view-article/brick-block-vs-the-western-economies-by-sunil-deshmukh> (date of access: 28.11.2023).

Did the unipolar moment ever end? // Foreign affairs / Council on foreign relations. – New York. – 23.05. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/ask-the-experts/did-unipolar-moment-ever-end> (date of access: 28.11.2023).

Economies by GDP size. (2023) // World Economics. – London. – URL: <https://www.worlddeconomics.com/Rankings/Economies-By-Size.aspx> (date of access: 28.11.2023).

Enderwick P., Buckley P.J. (2020). Rising regionalization : will the post-COVID-19 world see a retreat from globalization // Transnational corporations / UNCTAD. – Geneva. – Vol. 27. Issue 2. – P. 99–112.

Eichengreen B. (2011). Exorbitant privilege : the rise and fall of the dollar and the future of the international monetary system. – Oxford : Oxford univ. press. – 216 p.

Ellsmoor J. (2019). Trump administration rebrands fossil fuels as «molecules of US Freedom» // Forbes. – Jersey City, NJ. – 30.05. – URL: <https://www.forbes.com/sites/jamesellsmoor/2019/05/30/trump-administration-rebrands-carbon-dioxide-as-molecules-of-u-s-freedom/> (date of access: 28.11.2023).

Fawcett L. (2010). Regionalism from an historical perspective // Global politics of regionalism : theory and practice / B. Hettne, L. van Langenhove, M. Farrell (Eds.). – London ; Ann Arbor, MI : Pluto press. – P. 21–37.

Fitch A. (2023). Restricting chip sales to China could backfire on US, industry group says // Wall Street j. – New York. – 17.07. – URL: <https://www.wsj.com/articles/restricting-chip-sales-to-china-could-backfire-on-u-s-industry-group-says-dbb7b8df> (date of access: 28.11.2023).

Gantz D.A. (2016). The TPP and RCEP : mega-trade agreements for the Pacific rim // Arizona j. of international and comparative law / Univ. of Arizona. – Tucson, AZ. – Vol. 33. Issue 1. – P. 57–69.

Gilpin R. (2001). Global political economy : understanding the international economic order. – Princeton, NJ : Princeton univ. press. – 440 p.

Gray J. (1996). Post-liberalism : studies in political thought. – London ; New York : Routledge. – 372 p.

Gygli S., Haelg F., Potrafke N. (2019). The KOF globalisation index revisited // Review of international organizations. – Berlin : Springer. – Vol. 14. Issue 3. – P. 543–574.

Hirst P., Thompson G. (2019). The future of globalisation // The handbook of globalisation. 3rd edition / J. Michie (Ed.). – Cheltenham : Edward Elgar Publishing. – P. 16–31.

Ikenberry G.J. (2011). The future of the liberal world order : internationalism after America// Foreign affairs / Council on foreign relations. – New York. – Vol. 90. Issue 3. – P. 56–68.

Ikenberry G.J. (2018). The end of liberal international order? // International affairs. – Oxford : Oxford univ. press. – Vol. 94. Issue 1. – P. 7–23.

Isachenkov V. (2022). Putin blasts US «hegemony», predicts end to «unipolar» world // Associated Press. – New York. – 15.08. – URL: <https://apnews.com/article/russia-ukraine-putin-united-states-moscow-5cc322a7ef3b0407c529ebf8bb1fbfd2> (date of access: 28.11.2023).

Karaganov S. (2018). The West's unilateral Cold War // Project Syndicate. – New York. – 20.03. – URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/west-and-russia-no-new-cold-war-by-sergei-karaganov-2018-03> (date of access: 28.11.2023).

Khazin M. (2016). The Rothschilds have lost control over the world economy // Geopolitika. – Moscow. – 18.08. – URL: <https://www.geopolitika.ru/en/article/rothschilds-have-lost-control-over-world-economy> (date of access: 28.11.2023).

Kim H.-M., Li P., Lee Y.R. (2020). Observations of deglobalization against globalization and impacts on global business // International trade, politics and development. – Leeds : Emerald Publishing. – Vol. 4. Issue 2. – P. 83–103.

Kornprobst M., Paul T.V. (2021). Globalization, deglobalization and the liberal international order // International affairs. – Oxford : Oxford univ. press. – Vol. 97. Issue 5. – P. 1305–1316.

Krauthammer C. (1990). The unipolar moment // Foreign affairs / Council on foreign relations. – New York. – Vol. 70. Issue 1. – P. 23–33.

Lavrov S.V. (2021). On law, rights and rules // Russia in global affairs. – Moscow. – 28.06. – URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/the-law-the-rights-and-the-rules/> (date of access: 28.11.2023).

Lee Y.N. (2021). Xi says China «will never seek hegemony», no matter how strong it becomes // CNBC. – Englewood Cliffs, NJ. – 19.04. – URL: <https://www.cnbc.com/2021/04/20/chinese-president-xi-jinping-on-globalization-multilateral-trade.html> (date of access: 28.11.2023).

Levitte J.-D. (2019). With the end of four centuries of Western dominance, what will the world order be in the 21st century? / Brookings Institution. – Washington, D.C. – 07.01. – URL: <https://www.brookings.edu/articles/with-the-end-of-four-centuries-of-western-dominance-what-will-the-world-order-be-in-the-21st-century/> (date of access: 28.11.2023).

Lissovlik Ya. (2019). Regionalism in global governance : exploring new pathways / RIAC. – Moscow. – 14.06. – URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/comments/regionalism-in-global-governance-exploring-new-pathways/> (date of access: 28.11.2023).

Mansfield E.D., Milner H.V. (1999). The new wave of regionalism // International organization. – Cambridge : Cambridge univ. press. – Vol. 53. Issue 3. – P. 589–627.

Meade J. (1955). The theory of customs unions. – Amsterdam : North-Holland Publishing. – 122 p.

Mundell R. (1961). A theory of optimum currency areas // The American economic review. – Pittsburgh, PA. – Vol. 51. Issue 4. – P. 675–655.

Niblett R. (2021). Global Britain, global broker : a blueprint for the UK's future international role / Chatham House. – London. – URL: <https://web.archive.org/web/20211219124821/https://www.chathamhouse.org/2021/01/global-britain-global-broker> (date of access: 28.11.2023).

Pabst A. (2021). Postliberal politics : the coming era of renewal. – Hoboken, NJ : John Wiley & Sons. – 160 p.

Pan D. (2023). Civilizational states and liberal empire // Telos Press. – Candor, NY. – 16.01. – URL: <https://www.telospress.com/telos-201-winter-2022-civilizational-states-and-liberal-empire/> (date of access: 28.11.2023).

Petri P.A., Plummer M. (2020). RCEP : a new trade agreement that will shape global economics and politics / Brookings Institution. – Washington, D.C. – 16.11. – URL: <https://www.brookings.edu/articles/rcep-a-new-trade-agreement-that-will-shape-global-economics-and-politics/> (date of access: 28.11.2023).

Poletti A. (2017). Containment through trade? Explaining the US support for the Trans-Pacific Partnership // US foreign policy in a challenging world : building order on shifting foundations / M. Clementi, M. Dian, B. Pisciotta (Eds.). – Berlin : Springer. – P. 45–62.

Ripsman N.M. (2021). Globalization, deglobalization and Great Power politics // International affairs. – Oxford : Oxford univ. press. – Vol. 97. Issue 5. – P. 1317–1333.

Rodrik D. (2019). Globalization's wrong turn : and how it hurt America // Foreign affairs / Council on foreign relations. – New York. – Vol. 98. Issue 4. – P. 26–33.

Schwab K. (2019). Our global system has spun out of control : here is how to rebalance it // World Economic Forum. – Geneva. – 05.02. – URL: <https://www.weforum.org/agenda/2019/02/how-to-rebalance-our-global-system/> (date of access: 28.11.2023).

Sen J. (2019). The weaponisation of the dollar : policy options for small countries / LSE. – London. – 20 p. – URL: <https://www.lse.ac.uk/ideas/Assets/Documents/updates/LSE-IDEAS-Weaponisation-Dollar.pdf> (date of access: 28.11.2023).

Söderbaum B., Hettne B. (2008). The future of regionalism : old divides, new frontiers // Regionalization and global governance : the taming of globalization / A. Cooper, C. Hughes, P. de Lombaerde (Eds.). – London ; New York : Routledge. – P. 97–128.

Stiglitz J.E. (2002). Globalization and its discontents. – New York : W.W. Norton & Company. – 304 p.

Strange S. (1971). Sterling and British policy : a political study of an international currency in decline. – Oxford : Oxford univ. press. – 364 p.

Swaine M.D. (2019). A relationship under extreme duress : US–China relations at a crossroads / Carnegie endowment for international peace. – Washington, D.C. – 16.01. – <https://web.archive.org/web/20190119015938/https://carnegieendowment.org/2019/01/16/relationship-under-extreme-duress-u.s.-china-relations-at-crossroads-pub-78159> (date of access: 28.11.2023).

The Telos Press podcast : Miles Yu on China, ideology, and geopolitical conflict. (2023) // Telos Press. – Candor, NY. – 03.04. – URL: <https://www.telospress.com/the-telos-press-podcast-miles-yu-on-china-ideology-and-geopolitical-conflict/> (date of access: 28.11.2023).

US Chief of Staff Milley says there are three superpowers in the world. (2023) // News in France. – Paris. – 08.06. – URL: <https://newsinfrance.com/us-chief-of-staff-milley-says-there-are-three-superpowers-in-the-world/> (date of access: 28.11.2023).

Valdai International Discussion Club meeting : The President took part in the final plenary session of the 19th meeting of the Valdai International Discussion Club. (2022) // President of Russia. – Moscow. – 27.10. – URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/69695> (date of access: 28.11.2023).

Viner J. (1950). The customs union issue / Carnegie endowment for international peace. – Washington, D.C. – 248 p.

Wignaraja G. (2019). RCEP and Asian economic integration // Handbook of international trade agreements : country, regional and global approaches / R.E. Looney (ed.). – London ; New York : Routledge. – P. 384–400.

Wilson J.D. (2015). Mega-regional trade deals in the Asia-Pacific : choosing between the TPP and RCEP? // J. of contemporary Asia. – Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis. – Vol. 45. Issue 2. – P. 345–353.

Yellen J. (2022). Remarks by Secretary of the Treasury on way forward for the global economy / US Department of the Treasury. – Washington, D.C. – 13.04. – URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0714> (date of access: 28.11.2023).

DOI: 10.31249/ape/2024.01.02

Bratersky M.V.¹

The world of fragmentation is changing the world of globalization

Abstract. *The article examines several key features of the emerging world system and argues that the era of American-led globalization is transitioning to an increasingly fragmented system in which fragmentation occurs along trade, investment, currency zones, and technological patterns as well as along political lines. Emergence of regional power centers (poles) will play a greater role in world politics and ideological approaches.*

The economic sphere most clearly represents the fragmentation of the world system, promoted by the general tendency towards economic regionalization and the increasing geopolitical controversies that lead to numerous trade restrictions and establish economic zones «only for political allies». Key powers establish economic unions to ensure their economic self-sufficiency in crucial areas and thus strengthen their political autonomy and sovereignty. The ideas of economic nationalism in their mercantilist version gain popularity as they combine economic power with political power. Economic regionalization is furthermore encouraged by the unresolved trade disputes between groups of countries, which prevent the adoption of multilateral trade rules and de facto block WTO negotiations.

¹ **Bratersky Maxim Vladimirovich** – ScD in Political Sciences, Leading Researcher, Head of Sector, INION RAN; mbratersky@hse.ru

«Right now, there are changes like we haven't seen in 100 years, – and we are the ones driving those changes together», Xi Jinping told Vladimir Putin as he saw him off after his March 2023 visit to Moscow. What is the content of these changes and what role do Moscow and Beijing play in the ongoing processes are some of the questions discussed in this article.

Keywords: fragmentation, deglobalization, regionalization, world order, trade.

Статья поступила в редакцию (Received) 19.11.2023
Доработана после рецензирования (Revised) 22.11.2023
Принята к публикации (Accepted) 27.11.2023